

ГЛАВА I

ПРЕДЭЛЛИНИЗМ,
КАК МЫ
ЕГО ПОНИМАЕМ

Шаг первый. Прежде чем толковать о понятии производном, совершенно необходимо хоть как-то разобраться с понятием, от которого оно произведено. В данном конкретном случае это означает, что любому разговору о *предэллинизме* должен предшествовать экскурс об эллинизме как таковом.

Отечественная историография выгодно отличается от всех прочих в том отношении, что в ней уже с довольно давних пор проявился углубленный интерес к теоретическому осмыслению феномена эллинизма и, соответственно, стал на серьезном уровне подниматься вопрос о значении самого термина «эллинизм» (термина, как все знают, введенного Дройзенем в известной степени случайно и в чем-то даже, строго говоря, некорректно, что само собой, ни в малейшей мере не отменяет реальность самого явления). Ключевой стала (да и по сей день остается) дискуссия конца 1940-х – начала 1950-х гг.¹, протагонистами которой выступили А.Б. Ранович² и К.К. Зельин³.

Первый считал эллинизм определенным закономерным этапом в развитии рабовладельческого общества. Его точка зрения, бесспорно, страдавшая бросавшимся в глаза схематизмом (в чем-то характерным для тогдашнего уровня советского антиковедения), не выдержала проверку временем, и ныне вряд ли найдется хоть один антиковед, который открыто объявил бы себя сторонником концепции Рановича.

¹ Она, разумеется, получила определенное освещение, в числе прочего, и в учебной литературе (из которой когда-то мы, еще будучи студентами, и получали первые сведения об этой дискуссии). См., в частности: Кузищин В.И. Советская историография античности // Историография античной истории. М., 1980. С. 344–345; *он же*. Историография истории Древней Греции // История Древней Греции. М., 1986. С. 31.

² Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.

³ Зельин К.К. Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.

Позиция же Зельина (ученого, в отличие от Рановича резко возвышавшегося над средним уровнем тогдашней нашей науки об античности) была выигрышной в первую очередь благодаря исключительно удачно найденной формулировке: «эллинизм – понятие не отвлеченно-социологическое, а *конкретно-историческое* и не совпадает с понятием этапа в развитии рабовладельческого общества»⁴.

Курсив в цитате принадлежит не нам, а самому К.К. Зельину⁵. Тем самым он подчеркнул главное в своей системе взглядов: эллинизм – не этап, а *конкретно-историческое явление*. Именно так обычно его концепцию и формулируют те, кто на него ссылается. В такой своей форме мнение Зельина восторжествовало и на сегодняшний день, в общем, является у нас общепринятым.

Однако не обойтись без оговорок. Прежде всего, подчас некоторые весьма авторитетные ученые, на словах вроде бы не возражая против формулировки К.К. Зельина, на деле строят ход своих рассуждений так, как если бы они фактически придерживались концепции А.Б. Рановича и считали, что эллинизм есть некий неизбежный этап, «его же не преидеши». Так, С.Ю. Сапрыкин в важной монографии о Боспорском царстве⁶ приходит к выводу о том, что реально эллинизм на Боспоре наступает гораздо позже, чем в Восточном Средиземноморье, а именно со времен Митридата Евпатора. Под всем этим прочитывается не высказываемая прямо⁷ презумпция, согласно которой эллинизм – это именно этап, который рано или поздно должен же был наступить в рассматриваемом автором регионе⁸. Налицо, таким образом, некое внутреннее противоречие.

Далее, заметим, что есть ведь, по большому счету, и еще одна, третья, возможность понимания термина «эллинизм». Теоретически она не сформулирована, а по существу заключается в том, что эллинизм – это попросту категория из арсенала периодизации, то есть определенный период древней истории Восточного Средиземноморья, и не более того. А именно – тот самый период, который принято датировать, грубо говоря, концом IV – I в. до н.э., а если говорить более точно – то 336–30 (или 334–30, или 323–30, *ad libitum*) гг. до н.э. Собственно, в западной историографии по большей части именно так эллинизм и понимается, без лишних слов и без дальнейшей рефлексии⁹.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Точнее, это место в его статье выделено «разрядкой», ныне редко употребляющейся.

⁶ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

⁷ Напротив, С.Ю. Сапрыкин (Там же. С. 266) характеризует себя в целом как сторонник взглядов К.К. Зельина.

⁸ Критику подобных представлений см.: Завойкин А.А. Эллинизм и Боспор // ПИИ-РЭМ. С. 227–236.

⁹ См. к этому вопросу: Жигунин В.Д. Эллинизм и общие проблемы древней истории // АВ. Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 4–26.

Нередко эксцессы подобного словоупотребления встречаются и у нас: иными словами, что лежит в рамках вышеуказанного хронологического отрезка, – то и следует считать эллинизмом. Во всяком случае, в областях, прилегающих к восточной части средиземноморской акватории. Впрочем, порой и не только в них. Даже выражение «эллинизм в Риме» (?!!) становится заглавием работы, принадлежащей перу виднейшего антиковеда¹⁰. В факте сильнейших греческих влияний на римскую цивилизацию не усомнится, думается, никто; однако является ли это поводом употребить в данной связи термин «эллинизм», если мы хотим придать самому термину хоть какую-то конкретность? Если с терминологией обращаться столь вольно и расширительно, то какой тогда вообще смысл в терминологии?¹¹

¹⁰ Штаерман Е.М. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.

¹¹ Не можем удержаться от того, чтобы – пусть хотя бы в сноске – коснуться одной терминологической параллели, пожалуй, более масштабной во всемирно-историческом смысле. Речь идет о термине «феодализм». Еще в школе нас учили, что социально-правовой строй Древней Руси был феодальным. Позже, в вузе, мы узнали, что так же обстояло дело и, например, в Византии. Подобные тезисы, которых и ныне придерживаются традиционно мыслящие историки, аргументируются, в сущности, лишь посредством достаточно серьезных натяжек. Где в Древней Руси или в Византии можно увидеть всю эту строго и четко выстроенную, прекрасно фиксирующуюся в Западной Европе систему феодальных отношений – с присущими ей феодами и аллодами, связями сюзеренитета-вассалитета (доходивших до таких тонкостей, как «вассал моего вассала – не мой вассал»)? Повторим, встретим ли мы на Руси хоть что-нибудь подобное? Весь тип отношений был совершенно иным. Но фетиш «русского феодализма» (не случайно употребляем слово «фетиш», как относящееся к сфере религии, да и то довольно примитивной, а отнюдь не науки) постулировался вновь и вновь. А то ведь получалось, что у нас было не так, как в Европе, коей мы так стремимся быть... Конфуз какой-то выходил. Термин «феодализм» корректно может употребляться в двух смыслах: либо применительно к конкретно-историческому явлению, встречающемуся в чистом виде в эпоху западноевропейского средневековья, либо в смысле типологическом, когда в целях обобщения схожие (подчеркнем, именно схожие!) явления объединяются в единый тип, невзирая на частные различия и (не менее важно!) на хронологию. В этом последнем случае вполне уместно, например, говорить о «парфянском феодализме». Но для советской марксистской науки «парфянский феодализм» – ересь, а «русский феодализм» (или «византийский феодализм») – нечто само собой разумеющееся. Почему? А потому, что в рамках данной системы идеологических координат феодализм понимается не в одном из двух вышеуказанных корректных смыслов, а в третьем, некорректном: «феодализм» – это то, что лежит между «рабовладельческой формацией» (или «первобытнообщинной»), в связи с известным марксистским же положением о возможности «пропуска» отдельных формаций в истории некоторых обществ) и капиталистической. По этой логике в Древней Руси обязательно должен был быть феодализм, а в Парфии – современнице Рима – этого строя быть никак не могло; иначе всё красивое строение марксистской «пятичленки» превращается в карточный домик. В пресловутую «пятичленку» (можно было бы отдельно и не без интереса поговорить о том, как она родилась в уме гегельянца Маркса путем транс-